

МЕРТВЫЙ ОСЕЛЬ
и
ОБЕЗГЛАВЛЕНАЯ ЖЕНЩИНА.

Г л а в а 1.

Т р а в л я.

*Des chiens dévorans.
Racine.*

Не о Сперновомъ ослѣ
хочу говоришь я; было
время, и сладкія слезы ли-
лись на описаніе его смер-
щи, и надгробное ему сло-
во. . . Я то же пишу исто-
рію осла — но будыше по-
койны; я не стану придер-
живаться *чувствительнаго*
путешествія. . . по мно-

гимъ причинамъ. Неговоря о томъ, что эша пошлая напура, покажется шеперь, прищорною, что за неволя искусному писателю забавляшсья надъ описаніемъ такихъ предметовъ, которые навѣрное покажущся смѣшными и скучными? Нѣтъ, намъ надобна напура ужасная, мрачная; и она не запруднитъ писателя, и она возбудишь общій восторгъ! . И такъ — смѣлѣе! поненькое Бордоское вино для насъ слишкомъ слабо; выпьемъ лучше, большой спаканъ водки. . . И та, не очень крѣпка для насъ. . . . Мы можемъ глошашъ винный спиртъ; скоро дойдемъ про-

сто до эфира. . . Но крайности да приведуть насъ къ опиуму.

Впрочемъ , что значить кубокъ Родогунны , наполненный по самые края Аристопельскимъ ядомъ , въ сравненіи съ пошоками черной крови , спремишельно извивающейся по песку , а кругомъ цирка , вмѣсто факеловъ горящихъ Христіянъ , освѣщающихъ эти ночныя побоища ? И между тѣмъ , израненый боецъ , усpremляя умирающія глаза на ясное небо Арголиды , встрѣчаетъ вмѣсто его , жадные взоры Римской дѣвы , посылающей ему смерть . Тогда , герой эшого чудесна-

го праздника , усиливается
 дашь своему положенію сколько
 можно болѣе пріятности,
 выпускаешь самые гармоническіе
 вздохи , и еще разъ
 мечтаешь о рукоплесканіяхъ!

Увы ! у насъ еще нѣтъ
 цирка подобнаго Римскому ,
 но у насъ есть правля.

Жалкій, полуразвалившійся
 заборъ, толстыя неуклюжіе
 вороша, а на дворѣ, множество
 шарыхъ и молодыхъ собакъ , съ
 кровавыми глазами ; бѣлая пѣна ,
 медлѣнно шянешся съ ихъ черноватыхъ
 губъ. Между ими замѣтна была
 одна собака : большая , толстая , обрюз-

глая, еще гордая, но спарая, и беззубая. . . Взглянувъ на нее воображаемъ брата одного Сулшана, ошдѣленнаго опъ всего свѣша, или древняго Короля Франковъ съ обришою головою. Спращно смопрѣшь на эту собаку, такъ спращно какъ на Баязеша въ клѣшкѣ. . . Гордосшь и униженіе, безсиліе и бѣшенство, злосшь и подлосшь, . . . гошовность въ одно и то же время лизать руки, и кусать. Въ углу на дворѣ, оспашки дохлой лошади, обглоданные черепа, окровавленные части заднихъ ногъ, внутренности, куски печени для щенныхъ собакъ. Всѣ эти оспаш-

ки дославляющся прямо изъ Шарантона: тамъ обыкновенно кончаютъ свое поприще Парижскія лошади. Онѣ бредутъ шуда, привязаны хвостами одна къ другой, худыя, жалкія, сшарыя, слабыя, изнуренныя ошъ работою и побоевъ. . . Сшаруха, сшоя въ дверяхъ своей хижины всшрѣчаешъ ихъ, и съ улыбкою, кошорая испугала бы самую смерть, счишаешъ свои жершвы. Ихъ спавяшъ посреди двора, близъ шемнокрасной лужи, въ кошорую сшекаешъ сгусшившаяся кровь. . и начинаешъ убійство: человекъ съ засученными рукавами, вооруженный

ножемъ, поражаешь ихъ одну за другою : онѣ безмолвно падають, умирають, и когда все кончено, все разпродается : шкура , грива , копыта , черви для Королевскихъ фазановъ, и мясо для Акшеровъ дѣйствующихъ на шавлѣ.

Къ несчастію своему, я очутился близъ шавли, въ будничный день, и вошелъ въ Амфишапръ. Лай собакъ вызвалъ Дирекшора шапра, и я увидѣлъ маленькаго чело-вѣчка, сухаго, блѣднаго, съ рыжими рѣдкими волосами на головѣ, ... Во всѣй особѣ его, выказывалась значительность ; торжественный повелительный голосъ, и въ

поже время, ясное подобо-
 страшіе на лицѣ, подгиба-
 ющіеся колѣна, не много на-
 клоненная хребтовая кость
 все означало въ немъ вѣр-
 ную и пріятную середину
 между Королевскимъ чинов-
 никомъ, и прислужницей оп-
 крывающей ложи. Однако онъ
 былъ очень учтивъ сомною. —
 „Всего я немогу вамъ пока-
 „зать сегодня, сказалъ онъ
 „мнѣ — мой бѣлый медвѣдь
 „не здоровъ, другой опды-
 „хаешь; мы вдвоемъ несла-
 „димъ съ меделянскою соба-
 „кою; быка моего теперь
 „чистяшь. . . Развѣ не по-
 „почивашь ли васъ осломъ, ес-
 „ли вамъ угодно? — Хоро-

шо — давай осла, опвѣчалъ я, и вошелъ въ безмолвный театръ. Я былъ одинъ какъ будшо въ казенномъ театръ. И такъ, я сидѣлъ одинъ, и нѣкому было передать избытокъ моихъ ощущеній: хотьбы какой нибудь честный мясникъ былъ шупъ, чшобъ восклицаніями своими наэлектпризовашъ меня. . Я находился въ ашмосферѣ эгоизма, кошорую описать невозможно. Между тѣмъ воропа опшворились, и я увидѣлъ. . .

Жалкаго осла!

Онъ бывалъ гордъ и силенъ, теперь унылъ, измученъ, и держался только на трехъ ногахъ. Лѣвая передняя

нога была переломлена наемной кабриолетшей, и бедное животное едва дощипилось до здѣшняго побоища. Увѣряю васъ, что на него было больно сморѣть. Несчастный осель упошреблялъ всѣ усилія, чшобъ держашься въ равновѣсіи: спунилъ, еще спунилъ, пошомъ переспановилъ сколько возможно было свою правую переднюю ногу, пошомъ опустилъ голову, гошовый на все. Въ шу минушу, спускающъ чешырехъ Англинскихъ мордашекъ, онѣ спремяшся къ нему, опступающъ, и пошомъ бросающъ на бедное животное. Онѣ рвутъ его въ клочья, впивающъ